

На правах рукописи

Пенькова Яна Андреевна

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ С РЕФЕРЕНЦИЕЙ
К БУДУЩЕМУ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ
НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в Отделе лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук.

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заместитель директора по научной работе, заведующий Отделом корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук **Плунгян Владимир Александрович**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» **Иванова Елена Юрьевна**

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Петрозаводский государственный университет» **Патроева Наталья Викторовна**

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии и журналистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет» **Шептухина Елена Михайловна**

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт славяноведения Российской академии наук

Защита состоится 22 сентября 2026 г. в 13:00 часов на заседании Диссертационного совета 24.1.113.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, по адресу: 119019, г. Москва, ул. Волхонка, 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте (<https://ruslang.ru/>) Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук Д. М. Савинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена истории аналитических форм с референцией к будущему в русском языке и письменности XI–XVII вв. К числу исследуемых относятся конструкции ИМАМЬ¹ (ИМБЮ, ИМАЮ) + инфинитив, ХОЧУ (ХОЩУ) + инфинитив, НАЧЬНУ + инфинитив, ПОЧЬНУ + инфинитив, УЧЬНУ + инфинитив, ИМУ + инфинитив, СТАНУ + инфинитив, БУДУ + инфинитив и БУДУ + л-причастие. Перечисленные аналитические формы служат **объектом исследования**. **Предметом исследования** является эволюция системы аналитических форм с референцией к будущему в русском языке и письменности.

Названные выше конструкции объединяет не только их традиционное описание в качестве т. н. *будущего сложного первого* и *будущего сложного второго*, но и потенциальная возможность грамматикализации в качестве аналитического будущего. Для любой из этих конструкций в языках мира можно найти такие, в которых форма футурума возникла в соответствии с сопоставимой моделью.

Степень разработанности проблемы

Проблема эволюции аналитических способов выражения будущего времени в истории русского языка неоднократно привлекала внимание исследователей. Основными в этой области являются работы М. Вaley, Х. Кржижковой, М. Мозера, акад. А. М. Молдована, Э. К. Мустафиной, О. Свана, М. Н. Шевелевой, И. С. Юрьевой и нек. др. Происхождение форм со вспомогательным ‘быть’ в славянских языках исследовалась П. Рёслером. Внутригенетическая типология славянского перифрастического футурума разрабатывалась в работах Х. Андерсена и др. Источники грамматикализации будущего времени в индоевропейских языках и в языках мира в целом описаны в работах Э. Даля, Б. Вимера, Дж. Байби и их соавторов.

Наиболее хорошо в исторической русистике изучены древние памятники письменности, тогда как среднерусский период — время наиболее активных системных перестроек — последовательному комплексному исследованию не подвергался. При этом в общетипологических работах славянский материал привлекается весьма поверхностно или не учитывается вовсе.

Цель исследования — установить, как функционировала система перечисленных выше аналитических форм в истории русского языка и книжной письменности (т. е. русского литературного языка до начала XVIII в.) и выявить причины и механизмы перестройки этой системы.

Цель достигается благодаря выполнению следующих **задач**:

¹ Здесь и далее форма 1 л. ед. ч. вспомогательного глагола принимается в качестве условного обозначения для всей парадигмы.

- исследовать парадигматические особенности аналитических форм с референцией к будущему в истории русской письменности и изменения, которым подверглись парадигмы изучаемых конструкций;
- исследовать синтаксические особенности аналитических форм с референцией к будущему в истории русской письменности, выявить различия между ними в зависимости от их употреблений в различных типах клауз;
- исследовать стилистические особенности аналитических форм с референцией к будущему в истории русской письменности, выявить различия и изменения в их стилистическом статусе в различные периоды развития русского языка;
- исследовать семантические особенности аналитических форм с референцией к будущему в истории русской письменности, определить различия в семантике и сочетаемости и выявить изменения, которым подвергались конструкции;
- исследовать семантические особенности модальных конструкций, конкурировавших с изучаемыми аналитическими формами в истории русской письменности, и уточнить место последних в данной системе;
- исследовать семантические особенности начинательных глаголов в нематричном употреблении в истории русской письменности для уточнения семантических различий между начинательными глаголами в функции вспомогательных;
- исследовать пути грамматикализации аналитических форм с референцией к будущему в истории русского языка;
- исследовать влияние языковых контактов на грамматикализацию и эволюцию конструкций с референцией к будущему;
- исследовать семантику и дистрибуцию форм предбудущего в бытовой, деловой и книжной восточнославянской письменности;
- сопоставить особенности дистрибуции и грамматикализации аналитических форм с референцией к будущему в восточнославянской письменности с таковыми в других славянских языках.

Актуальность исследования обусловлена тем, что синхронная и диахроническая сложность семантической зоны будущего изучена недостаточно хорошо, и полноценная теоретическая и типологическая картина невозможна без подробного учета славянского материала. Будущее время в целом и предбудущее в частности относятся к т. н. *диахронически нестабильным* категориям. Поэтому нередко в языке сосуществует несколько форм будущего, в разной степени грамматикализованных, например, более *старая* и *новая*, которые могут быть распределены стилистически (между формальными жанрами и разговорной речью) и / или

семантически (например, обязательное и вероятное будущее, немедленное будущее, близкое и отдаленное будущее, определенное и неопределенное будущее). Изучение конкуренции и дистрибуции таких форм в истории русского языка внесет вклад в понимание общетипологической картины в данной области и позволит лучше понимать, как могут развиваться системы подобного рода. Два основных механизма грамматикализации футурума: развитие из свободного синтаксического сочетания и т. н. *гипоанализ* (*реинтерпретация*, *грамматический дрейф*) — не исследованы в диахронической лингвистике в достаточной степени. Важную роль в истории будущего времени играют контактные и ареальные факторы, которые в отечественной исторической русистике остаются недооцененными. Славянские языки в целом и история русского языка в частности предоставляет богатый материал для изучения перечисленных факторов в эволюции футурума.

Научная **новизна** исследования определяется несколькими параметрами.

- *Впервые* аналитические формы с референцией к будущему исследуются *на большом объеме данных* русской письменности как *система*, а не набор не связанных между собой форм, каждая из которых развивается, никак не взаимодействуя с другими.
- *Впервые* исследование перифрастических форм с референцией к будущему осуществляется в контексте связанных с этими формами семантических зон модальности и начинательности.
- *Впервые* предбудущее рассматривается как самостоятельная «категория» на широком славянском и типологическом фоне.
- Исследование вносит вклад в то, что науке уже известно о грамматикализации будущего времени, позволяет скорректировать многие выводы, сделанные в предшествующую эпоху как в области теории грамматикализации и типологии грамматических категорий в целом, так и в области отечественной русистики в частности.

Диссертация имеет **теоретическую значимость** для целого ряда филологических дисциплин: исторической грамматики русского языка и истории русского литературного языка, сравнительной грамматики славянских языков, теории грамматикализации и типологии темпоральных систем. **Теоретическая значимость** исследования заключается в том, что история аналитических форм с референцией к будущему вписывается в широкий общеславянский и типологический контексты. Это позволяет на новом уровне оценить специфику конкурирующих в истории русского языка форм; проследить пути семантической эволюции на фоне, с одной стороны, конвергентных и дивергентных процессов в других славянских языках, а с другой стороны, — типологически сходных явлений в языках за пределами славянской группы; проанализировать роль модальных и аспектуальных компонентов в семантической эволюции конструкций с референцией к будущему,

функциональную и диахроническую связь будущего с косвенными наклонениями; пересмотреть концепцию развития будущего времени и других конструкций с референцией к будущему, до сих пор преобладающую в отечественной русистике; получить новые данные о путях грамматикализации средств выражения футуральности, их эволюции и конкуренции, в том числе в составе одной системы.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка, истории и диалектологии славянских языков, грамматической семантики и типологии. Результаты исследования также могут применяться при составлении словарных статей в многотомных исторических словарях и при подготовке дополнений и исправлений к уже вышедшим томам. Наконец, результаты могут быть использованы для морфологической разметки исторических модулей Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Материалом исследования служат данные НКРЯ (корпуса берестяных грамот, древнерусского корпуса, старорусского корпуса), а также многочисленные издания памятников письменности различной жанрово-регистрационной принадлежности, материалы исторических словарей и их картотек. Для сопоставления широко привлекаются памятники старославянской, болгарской, древнесербской, древнечешской, староукраинской и старобелорусской письменности, свидетельства современных славянских языков и диалектов. Эти материалы собирались из самых разных источников: из специальных работ, обсуждающих интересующие нас конструкции или просто цитирующих примеры из произведений славянской письменности, из изданий текстов древней письменности, из исторических корпусов и корпусов современных славянских языков, из параллельных корпусов, а также с помощью переводной анкеты, специально разработанной для исследования семантики предбудущего.

Методологической основой диссертации является инструментарий сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического языкознания, корпусной, диахронической лингвистики и теории грамматикализации. Применяются функционально-семантический, дискурсивный, функционально-диахронический подходы и метод анкетирования. Сочетание сопоставительно-типологического и функционально-диахронического методов способствует выявлению общих структурно-типологических, а также ареальных особенностей и путей грамматикализации изучаемых форм. Методы корпусной лингвистики обеспечивают исследование большими объемами данных и максимально полным охватом типов употребления анализируемых языковых единиц. Метод анкетирования способствует установлению многозначности предбудущего, степени грамматикализации и прагматикализации в том или ином языке, а также выявлению контекстной синонимии предбудущего с функционально

близкими конструкциями в разных языках. Функционально-семантический и дискурсивный подходы позволяют учесть контекстуальные и прагматические факторы в употреблении рассматриваемых форм.

Достоверность результатов обеспечивается привлечением больших объемов языкового материала, обращением к данным синхронии и диахронии других славянских языков, данным типологии, применением системного комплексного подхода, учитывающего языковую конкуренцию, независимые употребления, парадигматические, синтаксические, стилистические особенности, словообразовательный потенциал и характер источников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ полных употреблений начинательных глаголов показал, что большинство глаголов с корнем ЧН- относятся к лексическим средствам обозначения начинательности, тогда как глагол УЧАТИ — к грамматическим (служебным). Особый статус УЧАТИ может быть связан с субстратным влиянием финно-угорских языков, для которых такого рода конструкции наиболее типичны.

2. На основе комплексного подхода к изучению конкуренции конструкций с референцией к будущему, учитывающего не только их семантические особенности, но и парадигматические ограничения, стилистические предпочтения и синтаксический контекст, в среднерусский период выделяется два кластера конструкций: кластер со вспомогательными УЧНУ – БУДУ – СТАНУ, тяготеющий к выражению серийной фазовости (итеративности) и нефазовым общефактическим контекстам, и кластер с ИМУ – НАЧНУ – ПОЧНУ, в большей степени склонный к употреблениям в начинательных контекстах. Русский язык в области функционирования начинательных глаголов развивается от состояния синкретичности, когда начинательный глагол может сочетаться с предикатом любого типа, в сторону маркирования собственно начальной фазы ситуации, а также некоторых других типов начинательности.

3. Русский язык, как и сербохорватский, имел категорию неассертивного будущего, функционировавшего в определенных типах зависимых клауз, т. е. в истории русского языка некоторое время сохранялась сформировавшаяся еще в праиндоевропейскую эпоху тенденция к противопоставлению форм в главных и зависимых предложениях.

4. Русский язык на фоне других славянских языков выделялся ареально поддержанной тенденцией к множественности инфинитивных конструкций с начинательными глаголами. Эти конструкции в истории русского языка имели низкий потенциал грамматикализации в качестве аналитического будущего, который был усилен в истории украинского языка за счет аттракции с модальными перифразами.

5. Конструкции с инхоативным значением могут развиваться в разных языках различными путями, конструкции со СТАТИ в истории русского языка грамматикализуются из полнозначного СТАТИ, а не СТАТИ в качестве глагола-связки.

6. Конструкции, функционирующие исключительно в книжной письменности, на системном уровне так же взаимодействуют друг с другом, как и конструкции в живом языке. Конструкции с ИМЪТИ эволюционируют в книжной письменности под контактным влиянием нескольких языков (старославянского, греческого, польского, рутенского) в сторону все большей модализации.

7. Формы предбудущего перспективно исследовать как отдельную категорию. Это позволяет выявить ее уникальную семантическую многозначность и пути семантической эволюции. Выявляется два основных диахронических сценария для форм предбудущего: во-первых, утрата ретроспективности и эволюция в неретроспективное будущее; во-вторых, утрата референции к будущему и актуализация модально-эвиденциальных значений.

8. В истории славянских языков предбудущее обнаруживает наиболее продвинутую степень грамматикализации. В восточнославянских языках предбудущее почти не знало результативных и таксисных употреблений. Оно эволюционировало в сторону утраты референции к будущему и сближения с косвенными наклонениями.

9. Опора на общеславянский контекст позволяет на более глубоком уровне выявить, проследить и интерпретировать явления в истории русского языка. В диахронических исследованиях в области русистики необходимо шире привлекать данные языков славянской группы.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух основных разделов, заключения, списка сокращений, списка литературы, источников и словарей, а также приложения. Во введении формулируются цели и задачи исследования, методология, актуальность и новизна работы, теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту, описывается материал исследования, а также рассматриваются вопросы, связанные с используемой терминологией и теоретической базой исследования.

Первый раздел посвящен конструкциям с референцией к будущему, в которых вспомогательный глагол присоединяет инфинитив, второй — формам предбудущего, в которых вспомогательный глагол сочетается с причастием на *л-* или (реже) на *но-/то-*.

Первый раздел состоит из трех частей, каждая из которых посвящена конструкциям с определенным семантическим типом вспомогательных глаголов. В части 1 анализируется эволюция перифраз, связанных со сферой модальности. В первой главе рассматриваются

формы ИМѢТИ + инфинитив и ХОТѢТИ + инфинитив. Конструкция ИМѢТИ + инфинитив связана с семантической зоной деонтической модальности и обязательного будущего, ХОТѢТИ + инфинитив — с выражением аспектуальной семантики проспектива и обязательного будущего. Во второй главе рассматриваются инфинитивные конструкции с другими модальными предикатами со значением необходимости, функционально близкие сочетаниям с ИМѢТИ и ХОТѢТИ.

Часть 2 посвящена аттракции между глаголами с корнем *ем- // им-* (ИМАМЬ, ИМЬЮ, ИМАЮ, ИМУ), взаимодействию семантических зон модальности и фазовости. В первой главе этой части анализируется конкуренция конструкций с корнем *ем- // им-* в восточнославянской письменности в сопоставлении с древнесербской. Во второй главе описывается конкуренция между БЪРАТИ и ИМАТИ в истории русской письменности — процесс, тесно связанный с историей конструкций с корнем *ем- // им-*.

В части 3 в центре внимания перифразы с начинательными глаголами: вспомогательными ПОЧЬНУ, НАЧЬНУ, УЧЬНУ, ИМУ, СТАНУ, БУДУ. Первая глава этой части посвящена семантике и парадигматике глаголов с корнем *чьн-* и другим начинательным глаголам вне сочетаний с инфинитивом, вторая — сопоставлению глаголов в конструкциях с инфинитивом. В третьей главе обсуждается происхождение перифразы УЧЬНУ + инфинитив, в четвертой — грамматикализация СТАНУ + инфинитив, в пятой — возникновение и семантические особенности БУДУ + инфинитив.

Второй раздел посвящен исследованию предбудущего и также состоит из трех частей. Часть 1 содержит три главы. В первой главе представлен обзор литературы, посвященной анализируемым конструкциям, формулируются методологические особенности применяемого подхода. Во второй и третьей главах исследуются соответственно структурные и семантические типы предбудущего в славянских языках в целом и определяется место восточнославянского предбудущего.

В части 2, состоящей из двух глав, прослеживаются пути грамматикализации славянского предбудущего: в первой главе — утрата ретроспективности, во второй — утрата референции к будущему и развитие модально-эвиденциальных стратегий.

В части 3 на основании анализа, проведенного в первых двух частях, исследуется история восточнославянского предбудущего, его семантика и дистрибуция, пути грамматикализации. Первая глава посвящена предбудущему в древненовгородском диалекте, вторая — в переводных древнецерковнославянских памятниках. Третья глава описывает предбудущее в рутенской деловой письменности, четвертая — в московских деловых памятниках. В пятой и шестой главах анализируются реликты предбудущего в среднерусской письменности — условный союз и модальная частица БУДЕ.

В заключении подводятся итоги исследования. Далее приводятся перечень сокращений и список использованной литературы, включающий научные труды, источники и словари, на которые ссылается автор диссертации. В приложение помещена типологическая анкета, которая применялась для исследования семантики предбудущего.

Основные результаты работы были **апробированы** в докладах на международных и всероссийских научных конференциях:

25–31 марта 2025 г. LIII Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой (Санкт-Петербург, Россия): «Частица БУДЕ в русской письменности конца XVI – начала XVIII вв.: семантика и происхождение»;

21–25 октября 2025 г. Международная конференция «Вызовы и тренды современной лингвистики» в рамках Казанского международного лингвистического саммита 2025 (KILS-2025, Казань, Россия): «Еще раз о происхождении аналитического будущего в истории русского языка»;

5 июня 2024 г. Международная научная конференция «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (Москва, Россия): «Конкуренция вспомогательных глаголов с корнем *im/em в конструкциях с инфинитивом в восточнославянской письменности XV в.»;

24–26 октября 2023 г. III Всероссийское совещание славистов, Институт славяноведения РАН (Москва, Россия): «Конструкции с модальным значением необходимости в среднерусской письменности»;

13–15 декабря 2023 г. Международная конференция «Вызовы и тренды современной лингвистики» в рамках Казанского международного лингвистического саммита 2023 (KILS-2023, Казань, Россия): «Система модальных предикатов на рубеже XVII–XVIII вв.»;

28 января 2021 г. Пятьдесят вторые Виноградовские чтения (Москва, Россия): «Деловая письменность Великого княжества Литовского как уникальный свидетель эволюции восточнославянского предбудущего»;

30 августа – 3 сентября 2021 г. 54th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Афины, Греция): «Future anterior in Ruthenian as a key to understanding its evolution in East Slavic»;

3–5 сентября 2021 г. Slavic Linguistic Society (University of Illinois at Urbana-Champaign, США): «Grammaticalization of the Verb *stati* 'become' in the History of Russian: a Corpus Study»;

27–29 января 2020 г. Humboldt-Kolleg «Probleme mittelalterlicher Überlieferung und Textkritik: Europäische Philologien im Vergleich» (Венеция, Италия): «Future anterior as a marker of local official writings in Ruthenian and Middle Russian»;

4–6 марта 2020 г. Sprachliche Diversität: Theorien, Methoden, Ressourcen 42. Jahrestagung der Deutschen Gesellschaft für Sprachwissenschaft (Гамбург, Германия): «Layering in the system of Middle Russian periphrastic future constructions through a corpus perspective»;

14–18 августа 2019 г. 21:a Nordiska Slavistmötet / 21-й съезд скандинавских славистов. / The 21st Conference of Scandinavian Slavists (Йоэнсуу, Финляндия): «The Middle Russian future periphrases in the light of language contacts»;

21–24 августа 2019 г. 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Лейпциг, Германия): «Diachronic paths of future anterior in Slavic from a typological perspective»;

20–27 августа 2018 г. XVI Международный съезд славистов (Белград, Сербия): «Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности и эволюция»;

16–20 июля 2018 г. Construction Grammar: Methods, Concepts and Applications (Париж, Франция): «Modal-evidential strategies of future anterior in European languages (with special focus on Slavic)»;

11–15 сентября 2017 г. Международная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси-2017» (Москва, Россия): «Второе будущее в переводной литературе Древней Руси»;

17–19 мая 2017 г. III Международная конференция «Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века» (Краков, Польша): «Дискурсивно-прагматический потенциал второго будущего в памятниках русской письменности XI–XVII вв.».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» представлена общая характеристика диссертации: определяются объект и предмет исследования, обсуждаются степень разработанности темы, цель и задачи, актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, материал и методология исследования, а также апробация, структура работы и положения, выносимые на защиту. Кроме того, во введении рассматриваются терминологический аппарат (понятие аналитической формы, вспомогательного глагола, грамматикализации, будущего времени), семантика футурума, ее связь с категориями аспекта и модальности, понятие грамматикализованного будущего, семантическая специализация футурума (немедленное, близкое и отдаленное, обязательное и вероятное, определенное и неопределенное, а также ожидаемое будущее). Данный раздел диссертации содержит краткий очерк источников грамматикализации футурума, связанных как с эволюцией конструкций из свободных сочетаний с полнозначным словом, так и с развитием в результате *гипоанализа* — переинтерпретации уже существующей грамматической формы, ее специализации на выражении футуральности. Кроме того, здесь же обсуждается внутригенетическая типология аналитического будущего в славянских языках. Отдельное внимание уделяется проблеме соотношения перфекта, плюсквамперфекта и предбудущего, диахроническим сценариям перфекта, поскольку предбудущее является одним из членов перфектной парадигмы.

Первый раздел «Аналитические формы с инфинитивом» посвящен анализу перифраз с референцией к будущему, включающих вспомогательный глагол в соединении с инфинитивом.

Часть 1 этого раздела «**Инфинитивные конструкции с модальными предикатами**» описывает аналитические формы, связанные с выражением модальных значений.

В **главе 1 «Аналитические конструкции с глаголами ИМЪТИ и ХОТЬТИ в русской письменности»** сопоставляется характер употребления перифраз со вспомогательными глаголами ИМЪТИ и ХОТЬТИ в древнерусский (XI–XIV вв.) и позднесреднерусский (XVII в.) периоды, прослеживается эволюция форм с названными глаголами, их постепенное функциональное сближение.

В **параграфе 1.1. «Конструкции с глаголами ИМЪТИ и ХОТЬТИ на общеславянском фоне»** обсуждается судьба аналитических форм с этими вспомогательными глаголами в разных славянских языках: южнославянских (болгарском, македонском, словенском, сербохорватском, резьянском, молизско-славянском), в некоторых западнославянских языках, а также в старобелорусской и староукраинской письменности.

В параграфе 1.2. «Конструкции с глаголами ИМЪТИ и ХОТЪТИ: история изучения» приводится обзор литературы, посвященной рассматриваемым перифразам в старославянской и восточнославянской письменности.

В параграфе 1.3. «Конструкции с глаголами ИМЪТИ и ХОТЪТИ в древне- и позднесреднерусской письменности: материал и фокус исследования» обсуждаются причины выбора определенных источников и их хронологических рамок, приводится частотность конструкций и ее динамика от древне- к позднесреднерусскому периоду.

В параграфе 1.4. «Конструкции с глаголами ИМЪТИ и ХОТЪТИ в древнерусской книжной письменности: семантика и парадигматические особенности» описываются парадигмы (грамматические формы, в которых может употребляться вспомогательный глагол) и семантический диапазон аналитических форм, прослеживается взаимосвязь между семантикой и парадигматикой конструкций с ИМЪТИ. Показано, что в древнерусской книжной письменности была представлена ситуация дивергенции, т. е. одновременно сосуществовали две перифразы с глаголом ИМЪТИ, характеризовавшиеся различным набором форм в парадигме вспомогательного глагола: конструкция ИМАМЬ + инфинитив, у которой формы вспомогательного глагола были ограничены только презенсом и которая имела значение обязательного будущего, и конструкция ИМЪТИ + инфинитив с широкой парадигмой вспомогательного глагола, включавшей не только формы презенса, но и аориста, имперфекта и причастий. Последняя представляла собой кальку греческой перифразы ἔχω + инфинитив и специализировалась на выражении значения внешней возможности.

В параграфе 1.5. «Конструкции с глаголом ИМЪТИ в позднесреднерусской письменности: семантика и парадигматические особенности» выявляются различия между конструкциями с формой атематического презенса вспомогательного глагола (*имамь* и т. д.) и тематического (*имъю* и т. д.). Здесь же отдельно рассматриваются случаи, в которых вспомогательный глагол употребляется в формах аориста, имперфекта, причастий. Выявляется связь различных типов употребления с функционированием аналогичных перифраз в польском и рутенском языках. Показано, что конструкции с ИМЪТИ в позднесреднерусский период в большинстве своих употреблений калькируют польскую перифразу с *mieć*. Польско-рутенская модель наделила церковнославянскую перифразу ИМАМЬ + инфинитив более широкой возможностью употребляться в контекстах долженствования и эпистемической модальности, тогда как ИМАМЬ + инфинитив передала конструкции ИМЪЮ + инфинитив способность употребляться в своем исконном значении онтологической необходимости (неизбежного будущего).

В параграфе 1.6. «Конструкции с глаголом ХОТЪТИ в позднесреднерусской письменности: семантика и парадигматические особенности» описываются семантический

диапазон и парадигма форм с ХОТЬТИ в обозначенный период. Показано, что семантика этих перифраз претерпевает изменения в поздних текстах: проспективно-авертивные употребления становятся маргинальными.

В **параграфе 1.7.** «Конструкции с глаголами ИМЪТИ и ХОТЬТИ в древне- и позднесреднерусской письменности: сопоставление» показано, что перифразы ИМЪТИ + инфинитив и ХОТЬТИ + инфинитив, изначально испытывавшие определенную степень аттракции, впоследствии сблизились структурно и функционально-семантически. В результате произошло слияние двух форм: модальной конструкции ИМЪТИ + инфинитив, характеризующейся широкой парадигмой, и ИМАМЬ + инфинитив с узкой парадигмой.

В «Выводах по главе 1» (**параграф 1.8.**) отмечено, что конструкции ИМЪТИ + инфинитив и ХОТЬТИ + инфинитив взаимодействуют друг с другом на системном уровне на всем протяжении их функционирования в письменности. Формы с ИМЪТИ эволюционируют в книжной традиции под контактным влиянием нескольких языков (старославянского, греческого, польского, рутенского) в сторону все большей модализации.

В **главе 2 «Модальные предикаты со значением необходимости в русской письменности»** на материале источников XV–XVII вв. анализируются инфинитивные конструкции с модальными предикатами, конкурирующие с ИМЪТИ и ХОТЬТИ в семантической зоне необходимости. Такой анализ предпринимается для того, чтобы уточнить место изучаемых аналитических форм с глаголами ИМЪТИ и ХОТЬТИ в системе средств выражения модальности. Различия между конструкциями, включающими модальный предикат и инфинитив, сопоставляются по нескольким параметрам: хронологическому, количественному, стилистическому, жанровому и семантическому (онтологическая, практическая, деонтическая необходимость; онтологическая или деонтическая возможность).

В **параграфе 2.1.** «Модальные предикаты в русской письменности: история изучения» освещается литература по истории исследования этих конструкций.

В **параграфе 2.2.** «Частотность модальных предикатов» рассматриваемые конструкции сопоставляются в количественном аспекте на материале старорусского подкорпуса НКРЯ. Показано, что в XV–XVII вв. основными модальными предикатами с инфинитивом являются ПОДОБАТИ, НАДОБЬ и — в меньшей степени — ДОЛЖЕН и НАДОБНО.

В **параграфе 2.3.** «Модальные предикаты и параметр книжность / некнижность» устанавливаются стилистические особенности исследуемых языковых единиц. Выделяются исключительно книжные предикаты (ДОЛЖНО, НУЖА, НУЖДА, НАЛЕЖАТИ) и преимущественно книжные, которые возможны и в некнижных контекстах (ПОДОБАТИ, ДОЛЖЕН, ДОЛЖЕНСТВОВАТИ, НУЖНО). К преимущественно некнижным принадлежит предикат НАДЛЕЖАТИ и группа НАДОБЬ / НАДОБЬТЬ / НАДОБНО / НАДО.

В параграфе 2.4 «Модальные предикаты и жанр источника» выявляется склонность рассматриваемых языковых единиц употребляться в конкретных жанрах. Так, в самом широком наборе жанров книжной (церковнославянской и гибридной) письменности представлен предикат ПОДОБАТИ, а в самом широком наборе жанров некнижной (деловой и бытовой) письменности — НАДОБНО. Напротив, выявлены и единицы ограниченного употребления, например, ДОЛЖЕНСТВОВАТИ, который тяготеет к языку драматических произведений.

В параграфе 2.5 «Модальные предикаты и типы модальных значений» рассматривается дистрибуция предикатов в зависимости от их семантики. Показано, что высокочастотный предикат ПОДОБАТИ и группа менее частотных с корнем *долг-* тяготели к выражению значений деонтической модальности, а группа НАДОБЪ / НАДОБЪТЬ / НАДОБНО не имела четкой семантической специализации, являясь своего рода универсальным модальным показателем для некнижных текстов.

В «Выводах по главе 2» (параграф 2.6.) отмечено, что в книжной и некнижной письменности были представлены разные подсистемы модальных предикатов. В первой подсистеме конструкции с ПОДОБАТИ и ДОЛЖЕНЬ специализировались на выражении значений деонтической модальности, тогда как онтологическая необходимость чаще маркировалась формами с глаголом ИМЪТИ. В некнижной письменности основной была конструкция с предикатами НАДОБЪ / НАДОБЪТЬ / НАДОБНО, которая не была специализирована на обозначении одного определенного типа необходимости. В позднесреднерусский период система, в которой конструкции были противопоставлены стилистически и семантически, начала «расшатываться»: книжные формы проникли в деловую и бытовую письменность, размывалась специализация конструкции ИМЪТИ + инфинитив, что, возможно, и стало одной из причин начавшейся перестройки системы модальных предикатов.

Часть 2 первого раздела «Аттракция между модальными и начинательными конструкциями» посвящена взаимодействию между перифразами с корнем *им-* // *ем-* в восточнославянской (древнерусской, старовеликорусской, старобелорусской, староукраинской) письменности в сопоставлении с древнесербской. В истории славянских языков известно несколько таких глаголов, которые могли образовывать конструкции с инфинитивом: ИМЪТИ, ИМАТИ и ЯТИ (ЯТИ, ИНЯТИ, НЯТИ, ЮТИ). Глаголы ИМЪТИ и ИМАТИ были связаны со сферой модальности, а ЯТИ — со сферой начинательности.

В главе 1 «Конструкции с глаголами с корнем *им-* // *ем-* в восточнославянской письменности в сопоставлении с древнесербской» рассматриваются различия в характере употребления перифраз с ИМАМЪ, ИМЪЮ, ИМАЮ и ИМУ между славянскими идиомами,

предлагается объяснение этим расхождениям и тому, как эти различия повлияли на дальнейшую судьбу конструкций с референцией к будущему.

В параграфе 1.1. «Состав форм и парадигм» обсуждаются тематические классы глаголов с корнем *им-* // *ем-*, их эволюция и способность употребляться в конструкциях с инфинитивом в исследуемых славянских идиомах.

В параграфе 1.2. «Конструкции с глаголами с корнем *им-* // *ем-*: история изучения» освещается литература по исследуемой проблематике, а также данные исторических и диалектных словарей.

В параграфе 1.3. «Конструкции с глаголами с корнем *им-* // *ем-*: материал и фокус исследования» объясняются принципы отбора и хронологические рамки привлекаемых источников, а также параметры, в соответствии с которыми анализируются собранные языковые данные (тип парадигмы вспомогательного глагола, совершенный / несовершенный вид инфинитива, дата, название источника, место составления документа, семантика конструкции в контексте).

В параграфе 1.4. «Конструкции с глаголами с корнем *им-* // *ем-* в восточнославянской письменности: ранние примеры аттракции» показано, что в рукописях Юго-Западной Руси очень рано — уже в позднерусский период — начался процесс взаимодействия между *ИМЪТИ* и *ЯТИ*, и это позволило формам с *ИМУ* проникнуть в контексты аподосиса, типичные для перифраз с *ИМАЮ* и *ИМЬЮ*. *ИМАТИ* как глагол контакта практически вышел из употребления в староукраинском языке, поскольку функционально сблизился с глаголом состояния *ИМЪТИ*, превратившись в дублет последнего.

В параграфе 1.5. «Конструкции с глаголами с корнем *им-* // *ем-* в восточнославянской деловой письменности XIV–XV вв.» показано, что в старовеликорусских грамотах (и, соответственно, в диалектах на этой территории) объединения парадигм *ИМЪТИ* и *ЯТИ* в рамках одного инфинитива в рассматриваемый период не происходит, выделяются два четких полюса: *ИМЪТИ* + инфинитив со значением обязательного будущего в книжной письменности и *ЯТИ* + инфинитив с фазовым или общефактическим значением в не книжной. В старобелорусских деловых памятниках вспомогательный глагол *ИМАТИ* / *ИМЪТИ* имеет набор вариантных парадигм *ИМАЮ* / *МАЮ* / *ИМЬЮ*, формы типа *ИМУ*, *ИМЕШИ* относятся к инфинитиву глагола *ЯТИ*; взаимодействия между *ИМЪТИ* и *ЯТИ* не происходит, поскольку формы типа *МАЮ* преобладают над *ИМАЮ*, и основания для смешения (корень *им-* без отпадения /и/ в анлауте) отсутствуют. В староукраинской деловой письменности модальный вспомогательный глагол *ИМАТИ* / *ИМЪТИ* имеет презентные формы *ИМАЮ* / *МАЮ* с преобладанием первых. В молдавских грамотах сближение *ИМУ* и *ИМАЮ* наиболее отчетливо: конструкции с *ИМУ* приобретают семантические особенности перифраз с *ИМАЮ*.

В параграфе 1.6. «Конструкции с глаголами с корнем *им-* // *ем-* в древнесербской деловой письменности XIII–XV вв.» показано, что и в сербских, и в восточнославянских текстах перифраза ИМУ + инфинитив ограничена определенными типами зависимых клауз. В сфере употребления конструкций с корнем *им-* // *ем-* древнесербский оказывается ближе всего к староукраинскому: достаточно распространены перифразы с ИМАМЬ / ИМАЮ, и они употребляются преимущественно в значении деонтической модальности.

В «Выводах по главе 1» (параграф 1.7.) отмечено, что в истории староукраинского языка дальнейшая грамматикализация конструкций с ИМУ связана с активным взаимодействием с формами с ИМЪТИ, что не позволило перифразам с БУДУ полностью вытеснить конструкции с ИМУ, как в истории старобелорусского и древнесербского языков. Кроме того, функциональное тождество ИМУ-перифраз в древнесербском и позднерусском почти не оставляет сомнений в том, что конструкции с ИМУ в славянских диалектах — явление гораздо более раннее, чем его отражение в письменных источниках.

В главе 2 «ИМАТИ и БРАТИ как полнозначные глаголы в истории русской письменности» описана эволюция семантики полнозначных глаголов контакта ИМАТИ и БРАТИ² в истории русского языка, что позволило подтвердить выводы, к которым мы пришли в результате анализа конструкций со вспомогательными глаголами с корнем *им-* // *ем-* в восточнославянских текстах (см. гл. 1).

В параграфе 2.1. «ИМАТИ и БРАТИ как полнозначные глаголы в истории русской письменности: история изучения» освещается литература, посвященная обсуждаемому вопросу.

В параграфе 2.2. «ИМАТИ и БРАТИ как полнозначные глаголы в истории русской письменности: материал и фокус исследования» описываются принципы отбора и анализа языкового материала.

В параграфах 2.3 «Сочетаемость глагола БРАТИ в древнерусской письменности» и 2.5. «Сочетаемость глагола БРАТИ в среднерусской письменности» приводятся данные об изменениях в употреблении этого глагола с различными таксономическими классами существительных, стоящих в позиции прямого дополнения.

В параграфах 2.4. «Сочетаемость глагола ИМАТИ в древнерусской письменности» и 2.6. «Сочетаемость глагола ИМАТИ в среднерусской письменности» приводятся данные об изменениях в употреблении этого глагола с различными таксономическими классами существительных, стоящих в позиции прямого дополнения.

² Здесь и далее для древнерусского периода используются инфинитивы с редуцированным в приставке или корне, для более поздних эпох — без.

Показано, что сочетаемость ИМАТИ стабильна. Основные изменения происходят именно в функционировании БРАТИ, который к XVII в. превращается в дублет ИМАТИ, так что оба глагола начинают конкурировать между собой за роль видовой пары глагола ВЗЯТИ.

В **параграфе 2.7.** «Семантическая эволюция глаголов ИМАТИ и БРАТИ на общевосточнославянском фоне» показано, что вытеснение глагола контакта ИМАТИ глаголом БРАТИ на юго-западе исследуемой зоны произошло гораздо раньше, чем в других диалектах.

В «Выводах по главе 2» (**параграф 2.8.**) отмечено, что расширение сочетаемости и постепенное вытеснение глаголом контакта БРАТИ глагола ИМАТИ на периферию сначала было осуществлено в восточнославянских диалектах Юго-Западной Руси, где ИМАТИ (ИМАЮ) представлял собой предикат состояния, дублет ИМЪТИ. В старовеликорусской письменности долго сохранялась исконная парадигма ИМАТИ (ЕМЛЮ), что препятствовало аттракции между ИМАТИ и ИМЪТИ и удерживало БРАТИ от экспансии в исконной семантической зоне глагола ИМАТИ. Впоследствии под влиянием языка Юго-Западной Руси в старовеликорусских говорах глагол БРАТИ постепенно расширил свою сочетаемость и вытеснил глагол ИМАТИ, став аспектуальной парой глагола ВЗЯТИ.

Часть 3 «Конструкции с начинательными глаголами в русской письменности» посвящена анализу глаголов фазовой (начинательной) семантики и перифраз с ними в истории русского языка. В фокусе исследования начинательные глаголы с корнем *чьн-* (НАЧАТИ, ПОЧАТИ, УЧАТИ, ЗАЧАТИ, ВЧАТИ, ВСЧАТИ, РАСЧАТИ), глагол контакта ЯТИ, который приобрел начинательную семантику в конструкциях с инфинитивом, глагол изменения положения СТАТИ, который также стал фазовым в конструкциях с инфинитивом, а также глагол БЫТИ в форме презенса совершенного вида, исконно содержащего инхоативный инфикс.

В **главе 1 «Начинательные глаголы в полнозначном употреблении»** анализируются названные глаголы вне сочетаний с инфинитивом.

В **параграфе 1.1.** «Начинательные глаголы: история изучения» представлен очерк литературы, посвященной этой проблеме.

В **параграфе 1.2.** «Начинательные глаголы: материал и фокус исследования» формулируются принципы отбора и анализа языкового материала, указано, что глаголы с корнем *чьн-* сопоставляются по ряду синтаксических, словообразовательных и семантических параметров.

В **параграфе 1.3.** «Глаголы с корнем *чьн-*: частотность» выявляются количественные различия между исследуемыми языковыми единицами. Показано, что в древнерусский период самыми частотными были НАЧАТИ и ПОЧАТИ, в среднерусский — НАЧАТИ и УЧАТИ. ВСЧАТИ, ВЧАТИ, ЗАЧАТИ и РАСЧАТИ относятся к низкочастотным глаголам.

В **параграфе 1.4.** «Глаголы с корнем *чьн-*: актантная структура» показано, что большинство глаголов с корнем *чьн-* (НАЧАТИ, ПОЧАТИ, ВСЧАТИ, ВЧАТИ, ЗАЧАТИ и РАСЧАТИ) являются переходными, могут присоединять прямое дополнение, выраженное именем существительным (ср.: **начнемъ** повѣсть сию). Напротив, УЧАТИ вовсе не имеет полнозначных употреблений, но ограничен только функцией матричного предиката.

В **параграфе 1.5.** «Глаголы с корнем *чьн-*: словообразовательная парадигма» показано, что для большинства таких глаголов в среднерусский период зафиксированы имперфективы, тогда как УЧАТИ соответствующей пары не имеет. Близкая ситуация и с рефлексивами: УЧАТИСЯ, в отличие от всех других рефлексивов с корнем *чьн-*, представлен единичными примерами, не имеет полнозначных употреблений и функционирует только как матричный предикат, не меняя при этом таксономический класс основного участника ситуации.

В **параграфе 1.6.** «Глаголы с корнем *чьн-*: обобщение данных» различия между языковыми единицами представлены в виде таблицы.

В **параграфе 1.7.** «Начинательные глаголы: лексическая сочетаемость» анализируются различия в употреблении глаголов НАЧАТИСЯ, ПОЧАТИСЯ, ЗАЧАТИСЯ, ВСЧАТИСЯ, ВОЗНИКНУТИ, ПОЯВИТИСЯ, НАСТАТИ и НАСТУПИТИ с разными семантическими типами субъектов (одушевленными существительными, предметными, именами, называющими абстрактные сущности, состояния, отношения, события, процессы, деятельности, качества, отрезки или моменты времени, оценки и нек. др.). Показано, что сочетаемость глаголов с корнем *чьн-* была очень широкой и включала как имена процессов и деятельностей, так и предметные имена, одушевленные существительные, названия состояний и событий. Глагол НАСТАТИ был характерен для маркирования конкретного момента наступления новой ситуации. Глагол ВОЗНИКНУТИ употреблялся преимущественно с одушевленными или другими именами, которые категоризируются как поднимающиеся снизу-вверх, затем распространяясь на определенную группу существительных, преимущественно обозначающих абстрактные ментальные сущности, не имеющие темпоральной характеристики. Среднерусский глагол контакта НАСТУПИТИ сначала сочетался с именами субстанций, которые могут заполнять большое пространство, перемещаясь по горизонтали, а затем расширил сочетаемость до названий состояний и отрезков времени, первоначально с отрицательной оценкой, постепенно сократив сферу употребления НАСТАТИ. Глагол ПОЯВИТИСЯ, имея в семантике перцептивный семантический компонент, встречался преимущественно с именами, обозначающими наблюдаемые и воспринимаемые органами чувств явления или признаки этих явлений.

В «Выводах по главе 1» (**параграф 1.8.**) отмечено, что глагол УЧАТИ противопоставлен остальной группе глаголов с корнем *чьн-* одновременно по нескольким параметрам, поэтому его следует относить не к лексическим средствам обозначения начинательности, а к

грамматическим. Русский язык в области функционирования начинательных глаголов развивается от состояния синкретичности, когда начинательный глагол может сочетаться с предикатом любого типа, в сторону маркирования собственно начальной фазы ситуации и других типов начинательности.

В главе 2 «Конструкции с начинательными глаголами в среднерусской письменности» исследуются различия между перифразами с начинательными глаголами.

В параграфе 2.1. «Конструкции с начинательными глаголами: история изучения» представлен обзор литературы, посвященной теме главы.

В параграфе 2.2. «Конструкции с начинательными глаголами: материал и фокус исследования» формулируются принципы отбора языкового материала и его анализа. Перечислены параметры для сопоставления аналитических форм: парадигматический, жанрово-стилистический, синтаксический и семантический.

В параграфе 2.3. «Конструкции с начинательными глаголами: парадигматические различия» сопоставляются парадигмы вспомогательных глаголов: наиболее широкая — у НАЧАТИ и ПОЧАТИ; СТАТИ имел только формы презенса, прошедшего времени на *л*- и аориста; УЧАТИ — настоящего времени и *л*-претерита. Вспомогательные ИМУ и БУДУ были ограничены исключительно формами презенса. Широкая парадигма глаголов НАЧАТИ и ПОЧАТИ не позволяет считать конструкции с ними аналитическими формами, поскольку не выполняется один из критериев таких форм.

В параграфе 2.4. «Конструкции с начинательными глаголами: стилистические различия» показано, что рассматриваемые перифразы имели разный стилистический статус, который подвергся изменению в позднесреднерусский период. Наиболее существенные сдвиги произошли в употреблении конструкции БУДУ + инфинитив, которая проникла в различные жанры деловой письменности и в дипломатический дискурс (в XVI в. для него более частотной была конструкция со СТАНУ).

В параграфе 2.5. «Конструкции с начинательными глаголами: синтаксические различия» показано, что рассматриваемые формы по-разному были распределены в зависимых и независимых клаузах. Перифразы с учну и иму специализировались на фоновых употреблениях (условных и относительных придаточных), так что обе конструкции можно назвать неассертивным сложным будущим (футурумом для фоновых контекстов). Напротив, формы со СТАНУ и БУДУ склонности к пара- или гипотаксису не обнаруживают.

В параграфе 2.6. «Конструкции с начинательными глаголами: семантические различия» исследуемые перифразы сопоставляются по параметрам агентивность / неагентивность, предельность / неопределенность / моментальность, по типу аспектуального значения (начинательность, итеративность, хабитуальность, общефактическое значение),

возможности / невозможности выражать значения, не относящиеся к спектру начинательности (дуративное и континуативное).

В «Выводах по главе 2» (**параграф 2.7.**) отмечено, что в среднерусский период разница между перифразами состояла прежде всего в неодинаковом сочетании параметров для каждой конструкции. На основании суммы параметров можно идентифицировать кластер со вспомогательными *УЧНУ – БУДУ – СТАНУ*, тяготеющий к выражению серийной фазовости (итеративности) и общефактическим ситуациям, и кластер с *ИМУ – НАЧНУ – ПОЧНУ*, в большей степени склонный к употреблению в начинательных контекстах.

В главе 3 «**Происхождение конструкции УЧАТИ + инфинитив**» выдвигается и обосновывается гипотеза возникновения перифразы *УЧАТИ + инфинитив*.

В **параграфе 3.1.** «Странности глагола *УЧАТИ*» показано, что конструкции с этим глаголом неизвестны в других славянских языках (сербский *УЧАТИ* восходит к *ВЪЧАТИ*) и отсутствуют в восточнославянских языках и диалектах за пределами старовеликорусской территории. Особые свойства этого глагола, отличающие его от других однокоренных глаголов, могут получить объяснение, если предположить, что они обусловлены внешним — контактным — влиянием. Таковое могли оказать финно-угорские языки, некогда распространенные на территории Московского государства, так как именно для них, согласно исследованию Х. Метсланг, были типичны структуры с начинательными глаголами.

В **параграфе 3.2.** «Аргументы в пользу субстратного происхождения конструкции *УЧАТИ + инфинитив*» обсуждаются свидетельства, обосновывающие выдвинутую в предыдущем параграфе гипотезу. Показано, что предположение подтверждается ареально-типологически (характером языковых контактов между финно-угорскими языками и русским), функциональными особенностями (ограниченной дистрибуцией и отсутствием следов грамматикализации у *УЧАТИ + инфинитив*) и данными источников (ранними фиксациями в письменности и реликтами в современных говорах).

В «Выводах по главе 3» (**параграф 3.3.**) отмечено, что некоторая финно-угорская конструкция, предположительно, могла послужить моделью для возникновения перифразы *УЧАТИ + инфинитив*. Приставка *у-*, свободная (не сочетавшаяся с корнем *чън-*, в отличие от *в-*, *по-*, *на-*, *за-*), способная перфективировать основу и весьма продуктивная в исследуемый период, была присоединена к корню с начинательным значением *чън-*, в результате чего возник фазовый глагол с чисто служебной функцией.

В главе 4 «**Происхождение конструкции СТАТИ + инфинитив**» исследуется грамматикализация этой аналитической формы.

В **параграфе 4.1.** «Инфинитивная конструкция с глаголом *СТАТИ*: история изучения» приводится обзор литературы, посвященной данной проблеме.

В параграфе 4.2. «Инфинитивная конструкция с глаголом СТАТИ: предполагаемые источники грамматикализации» показано, что многие исследователи, не привлекавшие материалы древне- и среднерусской письменности, полагают, что фазовый СТАТЬ развивается из трансформативного СТАТЬ, функционирующего в качестве глагола-связки. В главе 4 доказывається, что на самом деле СТАТИ + инфинитив грамматикализуется другим путем.

В параграфе 4.3. «Инфинитивная конструкция с глаголом СТАТИ: материал и фокус исследования» формулируются принципы отбора языкового материала и его анализа.

В параграфе 4.4. «Глагол СТАТИ в полнозначном употреблении: лексическая многозначность» показано, что у исследуемого глагола выделяются четыре основных группы значений: значения изменения положения в пространстве — перехода в вертикальное положение, локативные, бытийные, а также связочные и ингрессивные в составе конструкций с инфинитивом.

В параграфе 4.5. «Употребления глагола СТАТИ в древнерусских памятниках» показано, что в древнерусский СТАТИ еще не мог употребляться как аспектуально-фазовый показатель: во всех случаях его соседство с инфинитивом может быть объяснено иначе, в большинстве случаев — целевым значением инфинитивной клаузы. Связочные употребления развиваются у СТАТИ только в самом конце этого периода.

В параграфе 4.6. «Употребления глагола СТАТИ в среднерусских памятниках XV в.» показано, что рассматриваемый глагол приобретает функции двухместной связки достаточно поздно — не ранее конца XIV – начала XV вв., и этот процесс проходит почти параллельно с развитием ингрессивного СТАТИ в конструкции с инфинитивом. В составе форм с инфинитивом резко преобладают предикаты с семантическим признаком контролируемости действия.

В «Выводах по главе 4» (параграф 4.7.) отмечено, что локусом грамматикализации начинательного СТАТИ послужили не связочные употребления, а конструкции с инфинитивом цели, что подтверждается более поздним вовлечением предикатов с семантическим признаком неконтролируемости.

В главе 5 «Происхождение и место конструкции БУДУ + инфинитив в системе аналитических форм с референцией к будущему» обсуждаются различные гипотезы происхождения аналитического будущего в истории русского языка и определяется место этой перифразы в системе конструкций с начинательными глаголами.

В параграфе 5.1. «Глагол БЫТИ: история и современность» описывается этимология этого глагола, его особый видовой статус (биаспектуальность), который он сохранил до настоящего времени.

В параграфе 5.2. «Конструкция ВQDQ + инфинитив в истории славянских языков: теории происхождения» рассматриваются три основные концепции возникновения указанной

перифразы в славянских языках, в т.ч. в истории русского языка (праславянское происхождение, заимствование и независимое развитие в письменный период в разных ареалах Славии).

В параграфе 5.3. «Конструкция БУДУ / ВЕДЕ҃ + инфинитив в русском и польском: семантика и дистрибуция» показано, что русская и польская аналитические формы ведут себя схожим образом по отношению к отрицанию, параметрам НАМЕРЕНИЕ и ДАННОЕ, сочетаемости с обстоятельствами длительности.

В параграфе 5.4. «Конструкция БУДЕМ + инфинитив в истории сербохорватского языка: первое или второе будущее?» показано, что конструкция БУДЕМ + инфинитив в древнесербской письменности имела возможность сочетаться с инфинитивами от глаголов обоих видов и употреблялась преимущественно в зависимых типах клауз, как и предбудущее (БУДЕМ + л-причастие). При этом перифраза БУДЕМ + л-причастие в древнесербский период была футурумом именно для гипотаксиса, прежде всего, с общефактическим значением, тогда как БУДЕМ + инфинитив — конструкцией для гипотаксиса с дуративным значением (преобладала в контекстах с предикатами состояния и постоянного отношения).

В параграфе 5.5. «Конструкция БУДУ + инфинитив в истории русского языка: происхождение и место в системе среднерусских перифрастических форм с референцией к будущему» показано, что конструкция БУДУ + инфинитив была заимствована в русский язык из польского через рутенское посредство. Это подтверждается изменением характера источников: в ранний период преобладают тексты, отражающие рутенско-польское влияние, в поздний — не отражающие такового. Перифраза БУДУ + инфинитив обнаруживает способность употребляться в дуративных контекстах и склонность сочетаться с предикатами постоянных свойств.

В «Выводах по главе 5» (**параграф 5.6.**) отмечено, что вспомогательный БУДУ вовсе не был простой «иностранный» заменой СТАНУ, но проникал в глагольную систему именно через особый набор контекстов, не связанных с выражением фазовой семантики. Предположительно, мы имеем дело с характерным свойством футурумов, грамматикализованных из конструкций с глаголом 'быть' (ср. похожие особенности у латинского будущего и у перифрастического футурума в позднем санскрите, происходящих из конструкций с глаголом 'быть').

Второй раздел «Предбудущее» посвящен исследованию конструкции, сочетающей показатели референции к будущему и предшествования.

Часть 1 «Структурные и семантические типы славянского предбудущего» содержит обзор указанных типов предбудущего и его многозначности.

В главе 1 «Предбудущее: обзор литературы и методология исследования» освещаются работы, в которых обсуждается славянское предбудущее, и даются обоснования тому подходу, который применяется к изучаемым конструкциям.

В параграфе 1.1. «Предбудущее в типологических исследованиях» помещен очерк соответствующей литературы по теме. Показано, что в целом ряде языков отсутствует структурный параллелизм между перфектом и абсолютно-относительными временами (плюсквамперфектом и предбудущим), существуют языки с плюсквамперфектом, в которых перфект семантически утрачен.

В параграфе 1.2. «Темпоральная и модальная концепции славянского предбудущего» освещается история полемики — два основных подхода к семантике и грамматическому статусу славянского предбудущего.

В параграфе 1.3. «Типологическая анкета как один из методов исследования предбудущего» обсуждаются принципы составления анкеты, применяемой для описания семантики предбудущего в современных славянских языках. Особенностью анкеты является наличие прямого вопроса о возможности или невозможности употребить искомую форму в том или ином контексте.

В «Выводах по главе 1» (параграф 1.4.) отмечено, что поскольку отдельное описание собственно перфекта и плюсквамперфекта обоснованно, то аналогичный подход может и должен быть применен и к предбудущему. Принципы составления анкеты (наличие прямого вопроса о возможности употребить эту форму) обусловлены тем, что изучаемая конструкция является неустойчивым элементом глагольной системы и в своем базовом употреблении конкурирует с другими глагольными формами, уступая им в частотности.

В главе 2 «Структурно-ареальные особенности славянского предбудущего» описываются сербохорватский (общеславянский), болгарский (севернобалканский), македонский (южнобалканский), а также маргинальные западнославянский посессивный, западнославянский предложный, севернорусский и западнорусский (циркумбалтийские) структурные типы славянского предбудущего.

В параграфе 2.1. «Сербохорватский (общеславянский) тип» рассматривается предбудущее, представляющее собой форму перфективного презенса от основы $VQD-$ + l -причастие (ср. сербохорв. *budem činio / budem učinio*). Показано, что унаследованный из праславянского тип сохранился в сербохорватском, но ранее был представлен в большинстве древнеславянских языков. Этот структурный тип коррелировал с перфектом и плюсквамперфектом, а также с кондиционалом.

В параграфе 2.2. «Болгарский (севернобалканский) тип» обсуждается болгарская конструкция «ЩЕ СЪМ / НЯМА ДА + l -причастие» и аналогично устроенные формы в румынском,

сербохорватском и резьянском. Показано, что южнославянские языки стремились соотнести форму предбудущего не только с системой перфекта, но и с системой футурума. Это могло приводить к сосуществованию двух форм предбудущего: старой и новой, которые получали различное семантическое или стилистическое распределение. В резьянском эта тенденция привела к полному разграничению таксисной, модальной и эвентуальной функций между тремя конструкциями с формальными признаками предбудущего.

В **параграфе 2.3.** «Македонский (южнобалканский) тип» рассматривается македонская конструкция, представляющая собой аналитическое будущее от вспомогательного глагола ‘иметь’ (КЕ ИМАМ) в соединении с неизменяемым причастием на *-но /-то*.

В **параграфе 2.4.** «Западнославянский посессивный тип» описывается конструкция, известная в чешском, словацком, польском, кашубском и верхнелужицком, которая образуется с помощью вспомогательного глагола ‘иметь’ в форме будущего времени и причастия на *-но /-то*.

В **параграфе 2.5.** «Западнославянский предложный тип» обсуждается конструкция со вспомогательным глаголом ‘быть’ и предлогом РО в значении ‘после’, представленная в чешском, словацком, польском и верхнелужицком.

В **параграфе 2.6.** «Севернорусский (циркумбалтийский) тип» рассматривается конструкция со вспомогательным глаголом БЫТЬ и причастиями прошедшего времени на *-но /-то*, изменяемыми или утратившими словоизменение. Она характерна для северных русских диалектов, а также для украинского языка и говоров белорусско-латышского пограничья и имеет структурные параллели в литовском, латышском, эстонском, карельском и водском.

В **параграфе 2.7.** «Западнорусский (циркумбалтийский) тип» описывается конструкция, которая образуется с помощью вспомогательного глагола БЫТЬ и деепричастия на *-ши* (бывшего активного причастия прошедшего времени) и встречается в западнорусских говорах, а также в говорах белорусско-латышского пограничья и находит структурные параллели в ряде циркумбалтийских языков (литовском, латышском и польском).

В «Выводах по главе 2» (**параграф 2.8.**) отмечено, что южнославянские языки перестроили форму предбудущего в соответствии с системой футурума. Это могло приводить к сосуществованию двух форм предбудущего: старой и новой, или даже к полному распределению таксисной, модальной и эвентуальной функций между тремя конструкциями с формальными признаками предбудущего (ср. резьянский). Под контактным влиянием в южнославянских языках возможно развитие сверхсложных форм предбудущего. В западнославянских языках и в северо-западных говорах русского языка конструкции, которые можно рассматривать как формы предбудущего, маргинальны и возникают в рамках зарождающихся новых результатов.

В главе 3 «Семантические типы славянского предбудущего» рассматривается многозначность изучаемой структуры. Показано, что разрыв между временем события (E) и временем ассерции (A) рождает особый эффект *отложенной реализации*: говорящий по каким-то причинам не может или не хочет утверждать, но лишь предполагает вероятность события (E), поскольку не обладает о нем полной информацией и относит момент получения таковой или ее верную интерпретацию к будущему. Многие некомпозиционные значения предбудущего с референцией к прошлому объясняются именно эффектом *отложенной реализации*.

В параграфе 3.1. «Результативность в будущем» показано, что данный тип употребления нехарактерен для «старого» славянского предбудущего (сербохорватского, или общеславянского), но типичен для «нового» в современных болгарском и македонском.

В параграфе 3.2. «Предшествование в будущем» показано, что «классические» контексты употребления предбудущего в таксисном значении предшествования представлены в болгарском, македонском, некоторых чакавских говорах и резьянском.

В параграфе 3.3. «Предшествование по отношению к хабитуальной ситуации» показано, что такие употребления крайне редки и представлены, к примеру, в болгарском и македонском.

В параграфе 3.4. «Потенциальность в условном протасисе» показано, что такие употребления типичны для «старого» предбудущего в древней славянской письменности, ср.: *Сѡже сѧ гдѣ буду ꙗписалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Баѣ дѣла. ‘Если я где-нибудь описѧлся, или написал лишнее, или не дописал, читайте, исправляя ради Бога’.* [Суздальская летопись: 173, 1377 г.].

В параграфе 3.5. «Потенциальность в относительных придаточных» показано, что данный тип употребления также характерен для «старого» славянского предбудущего, ср.: *Где се ꙗбрѣте оубиство, ꙗнъзи, коино боуде зарѣвалъ, да ꙗсть кривъ, ако се и оубиѣ. ‘Там, где произойдет убийство, тот, кто начал, тот виновен, даже если его убьют’.* [Душанов законик: 6 об., 1395 г.]

В параграфе 3.6. «Следование в будущем» показано, что в контекстах, в которых предбудущее маркирует следствие, может происходить конвенционализация имплицатуры: ‘вывод, следствие’ → ‘следование в будущем’ → ‘футуральность’, ср.: *Zda s’ neslýhal, ž’ máš umĳietí, i budeš rykal.* ‘Наверное, ты не слышал, что ты должен будешь умереть и будешь страдать’. [Hodiny sv. Maĳie: 84b, XV в.].

В параграфе 3.7. «Целевые контексты» показано, что данный тип употребления довольно редок, примеры отмечены в древнерусской письменности, а также в некоторых старочакавских памятниках и диалектах сербохорватского языка, ср.: *Ču vam povidati svu istinu*

pravu da si ne **budete** vi **trapili** glavu. ‘Я расскажу вам всю правду, чтобы вы **не печалились**’ [Zima 1887: 254].

В **параграфе 3.8.** «Эпистемическая модальность» показано, что такие употребления предбудущего представляют собой целый кластер на пересечении семантических зон эпистемической модальности и эвиденциальности. Наиболее типичными из всего многообразия модально-эвиденциальных стратегий предбудущего являются презумптивные, в которых говорящий не является свидетелем некоторого события и лишь предполагает, что оно имело место, на основании своего опыта, логического вывода или других знаний, ср.: *Аще члвѣкоу въ оубожествѣ оукрадетъ, то прочее помилоуи его, зане не онъ то створиль — оубожество **принудило** и **боудеть**.* ‘Если человек в бедности украдет, то помилуй его, потому что не он это сделал — нищета **вынудила** его’. [Повесть об Акире: 83, XV в.].

В **параграфе 3.9.** «Апрехенсивность» показано, что такие употребления являются далекой семантической периферией предбудущего и известны только в сербохорватском и раннем новоболгарском.

В **параграфе 3.10.** «Игноративность» показано, что данные употребления являются разновидностью эпистемических и характерны для контекстов незнания: говорящий не знает, имела ли место ситуация в прошлом, или не обладает сведениями о некотором аспекте этой ситуации и эксплицитно утверждает это с помощью предиката (не)знания или вопросительной конструкции, ср.: *Коя ли **ще** си **е харесал**? — си помисли Райна.* ‘Которая из них **понравилась** ему? — подумала Райна’. [Т. Г. Влайков].

В **параграфе 3.11.** «Ирреальная модальность» показано, что среди современных славянских языков такое употребление можно обнаружить только в болгарском и македонском у особой формы предбудущего в прошедшем.

В «Выводах по главе 3» (**параграф 3.12**) отмечено, что предбудущее в славянских языках, как древних, так и современных, обладает очень широкой многозначностью. Не следует смешивать два типа употребления: чистое предшествование в будущем (таксисное значение) и выражение посылки (значение потенциальной модальности). «Старое» славянское предбудущее не было средством чистого таксиса, но существенно продвинулось в сфере употребления косвенных наклонений. Типологически универсальной особенностью является развитие у предбудущего кластера эпистемических и эвиденциальных значений, наиболее типичными из которых являются презумптивные. На их основе в балканских языках формируется парадигма презумптива.

Часть 2 «Пути грамматикализации славянского предбудущего» посвящена семантической эволюции изучаемых форм. Выделяются два основных сценария: утрата ретроспективной семантики с сохранением референции к будущему (т. е. эволюция из

предбудущего в неретроспективное будущее) и утрата футурального компонента и сближение с косвенными наклонениями.

Глава 1 «Утрата ретроспективности» описывает первый из названных выше путей семантической эволюции предбудущего.

В **параграфе 1.1.** «Славянские языки» показано, что обращение к материалам истории этих языков дает возможность говорить о возможности эволюции предбудущего в неретроспективное будущее, т. е. о не учтенном в литературе источнике грамматикализации футурума. Контекстная синонимия предбудущего от глаголов СВ и перфективного презенса могла способствовать тому, что предбудущее утрачивало ретроспективный компонент, так как идея предшествования условия следствию уже присутствует в самом условном контексте в качестве импликатуры.

В **параграфе 1.2.** «Типологические параллели из европейских языков» показано, что такая тенденция обнаруживается и в некоторых других европейских языках. В древнегреческом и старофранцузском она была едва намечена, в далматинском достигла завершения. Промежуточное положение занимает предбудущее в классическом и постклассическом латинском языке. Вероятными механизмами такой семантической эволюции могли послужить метафорическое «немедленное» употребление (характерно для латинского, древнегреческого, старофранцузского) и функционирование в обеих частях условного предложения (характерно для славянских и древнеиталийских языков) и, как следствие, нейтрализация предбудущего и презенса в протасисе условной конструкции и конвенционализация одной из импликатур, возникающих в аподосисе ('вывод, следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность').

В «Выводах по главе 1» (**параграф 1.3.**) отмечено, что для понимания эволюции предбудущего в неретроспективный футурум следует признать важную роль *конвенционализации импликатуры* в аподосисе или постулировать *неиндикативную* стадию в эволюции предбудущего (что весьма вероятно для древнеславянской конструкции и латинского *futurum exatum*, смешивавшегося с конъюнктивом перфекта). В этом случае происходит своего рода конъюнктивный цикл, и уже из конъюнктивного будущего развивается футурум индикатива.

Глава 2 «Утрата референции к будущему и развитие модально-эвиденциальных стратегий» посвящена анализу употреблений предбудущего с референцией к прошлому, которые классифицируются по способу доступа к информации о ситуации: прямой или непрямой, личный или неличный.

В **параграфе 2.1.** «Непрямой личный доступ: презумптивные стратегии» показано, что такие употребления характерны для подавляющего большинства европейских языков, имеющих предбудущее, и известны за пределами Standard Average European. В ряде балканских

языков предбудущее структурно совпадает с одной из конструкций, входящих в парадигму презумптива. Ситуация, сложившаяся в куклицком говоре (чакавское наречие сербохорватского языка), свидетельствует о том, что предбудущее может полностью утрачивать референцию к будущему, превращаясь в конструкцию с презумптивным значением.

В **параграфе 2.2.** «Непрямой личный доступ: инферентивные (конклюзивные) стратегии» показано, что названные употребления представлены у предбудущего во всех рассмотренных языках, кроме македонского. Частной разновидностью инферентивных стратегий являются случаи, в которых с помощью предбудущего выражается приблизительная оценка чьего-либо возраста: *Sopilul va fi avut vreo zece zile.* ‘Ребенку **было** [на вид] дней десять’ [Анкета].

В **параграфе 2.3.** «Ситуации прямого личного доступа» показано, что предбудущее также может употребляться и для обозначения ситуаций, к которым говорящий имел прямой доступ, однако не любых, а только тех, которые сообщают о невизуальном восприятии: о внутреннем ментальном или физическом опыте говорящего (чувства, ощущения, физическое состояние, когнитивные процессы) или о его неосознанных действиях — т. е. о том, что принципиально не может быть наблюдаемым. Ср.: *Viŕu rŕŕi tŕ vŕdu.* ‘Я, [кажется], **выпил** эту жидкость [неосознанно, по ошибке]’ [Анкета].

В **параграфе 2.4.** «Непрямой неличный доступ: дубитативные стратегии» показано, что такая интерпретация предбудущего возникает при некоторых дополнительных контекстных условиях: в вопросительном предложении или косвенном вопросе, иллюкутивной целью которого не является получение информации (ироничные эхо-вопросы). Предбудущее используется для пересказывания и передразнивания чужих слов или чужого мнения, с которым говорящий не согласен, ср.: *Какво ти става, да не си полудяла? Откъде-накъде аз **ще съм отъмкнал** паспорта ти?* [Татьяна Полякова. Миллионерша търси запознанство (Ива Митева, 2004)]. *Ты что, с ума сошла? Я **сташил** твой паспорт?* [Татьяна Полякова. Миллионерша желает познакомиться, 2002, НКРЯ].

В **параграфе 2.5.** «Непрямой неличный доступ: ренарративные стратегии» показано, что как маркер ренарратива без каких-либо эпистемических или экспрессивных наращений употребляется только македонская форма *ЌЕ СУМ* + л-причастие, которая утратила ретроспективность и встроилась в парадигму пересказывательного наклонения.

В **параграфе 2.6.** «Экспрессивность: миративные стратегии» показано, что источником таких интерпретаций предбудущего является выражение эпистемической дистанции. Говорящий с помощью предбудущего как бы разделяет себя *до* получения некоторого неожиданного знания и себя *после*, откладывая момент принятия, осознания ситуации, противоречащей его картине мира и его ожиданиям, в будущее, ср.: *Няма ми кожата, ни*

калимьявката!.. — каза попът въздивен. — Она **ще** ги **е откраднал!** — каза Шериф ага, с вид на човек, който прави голямо откритие. ‘У меня нет ни тулупа, ни шапки! — сказал священник удивленно. — Он их **украл!** — сказал ага Шериф с видом человека, который совершил большое откритие.’ [И. Вазов].

В **параграфе 2.7.** «Ситуация незнания: игноративные стратегии» показано, в подобных контекстах совместно с неполным знанием может выражаться несоответствие ожиданиям говорящего и его «эпистемическое бессилие» — неспособность до конца понять, объяснить для себя полученную информацию: *Dove l'avrà pescato, il diavolo lo sa!* [Mikhail Bulgakov. *Il Maestro e Margherita* (Vera Dridso, 1967)]. Откуда он его **выкопал**, черт его знает! [М. А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 1929–1940, НКРЯ].

В **параграфе 2.8.** «Ирреальная модальность» показано, что так может употребляться македонская эвиденциальная конструкция *КЕ СУМ + л-причастие*.

В «Выводах по главе 2» (**параграф 2.9.**) отмечено, что каких-либо ярких ареальных особенностей в употреблении эпистемического предбудущего не выявлено. По данным анкет, отчетливо выделяется балканский центр (албанский и новогреческий): носители этих языков менее всего склонны к модально-эвиденциальному употреблению предбудущего. В системах южнославянских языков предбудущее входит в группу «семьи конструкций» с вспомогательным *ЩЕ / КЕ / БИЋЕ* в качестве показателя не футуральной, а презумптивной семантики. Предбудущее активно сочетает выражение различных модально-эвиденциальных стратегий с особыми дискурсивными функциями, среди которых «контекст читателя», «подведение итогов», «ироничные эхо-вопросы или ироничный пересказ».

Часть 3 «Восточнославянское предбудущее» посвящена исследованию рассматриваемой конструкции в ранней древнерусской письменности, как бытовой, так и в переводной церковнославянской, а также в текстах более позднего периода: в деловых языках Великого княжества Литовского и Московского государства. Кроме того, в этой части обсуждаются вопросы грамматикализации условного союза и модальной частицы *БУДЕ*, восходящих к употреблению предбудущего.

В **главе 1 «Предбудущее в древненовгородском диалекте»** описывается функционирование рассматриваемой конструкции в новгородских берестяных грамотах.

В **параграфе 1.1.** «Предбудущее в древненовгородском в типологическом контексте» показано, что анализируемая перифраза в берестяных грамотах используется для обозначения не основного, а фонового таксиса, чем отличается от футурального перфекта в английском и ряде других западноевропейских языков, и, напротив, функционально сближается с футуральным перфектом конъюнктива в португальском языке. Показательны также данные резыанского, в котором аналогичная конструкция грамматикализовалась в вероятное будущее.

В параграфе 1.2. «Предбудущее в древненовгородском диалекте: семантика и прагматика» показано, что эта конструкция может употребляться для указания на уже известное или данное, а в форме 1 л. ед. ч. выражать дистанцирование от цитируемой речи.

В «Выводах по главе 1» (параграф 1.3.) отмечено, что предбудущее в древненовгородском диалекте обнаруживает существенное продвижение в сторону модальности и сферы употребления косвенных наклонений.

В главе 2 «Славянское предбудущее и его греческие соответствия в переводных древнецерковнославянских памятниках» описывается диапазон греческих соответствий предбудущему. Это позволяет выявить семантико-грамматические параметры (стимулы), которые побуждали славянских книжников использовать конструкцию, структурно достаточно далеко отстоящую от оригинала, и тем самым точнее очертить семантический диапазон славянского предбудущего.

В параграфе 2.1. «Двухкомпонентные соответствия» показано, что такие конструкции в греческом оригинале встречаются в три раза реже, чем однокомпонентные. К первым принадлежат футуральный перфект, форма будущего времени от εὐρίσκω / εἶμι в соединении с действительным причастием аориста или презенса, аналитический конъюнктив перфекта, конструкции с отглагольным именем, например: боудеши съвършилъ — ἔσῃ τετελεμένος. [Изборник 1076 г.: 159 об.].

В параграфе 2.2. «Однокомпонентные соответствия» показано, что такие формы в греческом оригинале встречаются в три раза чаще, чем двухкомпонентные, и что одним из наиболее частотных греческих соответствий предбудущему является индикатив аориста. Такое греческо-славянское соответствие обнаруживается в контекстах снятой утвердительности: с референцией к будущему, с условным союзом, в относительном придаточном с условной семантикой, в общем вопросе, в контексте с модальной частицей.

В «Выводах по главе 2» (параграф 2.3.) отмечено, что предбудущее служило, прежде всего, для передачи различных аспектуальных и модальных значений (эпистемической возможности или необходимости) и лишь изредка становилось средством передачи значений темпоральных или таксисных. Перевод рассмотренных греческих конструкций с помощью предбудущего можно охарактеризовать как функциональный, соответствующий принципу *sensum de sensu*, передающий в первую очередь конкретные функционально-семантические категории глагольных форм оригинала, а не структурное подобие. Данные переводных древнецерковнославянских текстов свидетельствуют о «дрейфе» древнеславянского предбудущего в сторону предположительного наклонения.

В главе 3 «Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского» рассматриваются особенности употребления анализируемых форм в рутенской деловой

письменности XIV–XVI вв. Эти памятники содержат важные свидетельства того, что славянское предбудущее продвинулось по пути грамматикализации в предположительное наклонение.

В параграфе 3.1. «Семантика и дистрибуция предбудущего в деловой письменности ВКЛ» показано, что можно выделить несколько контекстуальных маркеров снятой утвердительности, сопровождающих эпистемическое употребление предбудущего с референцией к событиям в прошлом: общий или частный вопрос, клауза, зависящая от предиката пропозициональной установки, условный или разделительный союз. Помимо контекстов снятой утвердительности, рутенское предбудущее встречается в примерах, в которых представлена нелокализованная в прошлом ситуация. Выделено несколько типов: множественность ситуаций (итеративность или хабитуальность), экспериенциальное значение (сообщение о некотором опыте, полученном субъектом), ситуация-обобщение (контекст, подразумевающий множественность объектов, удовлетворяющих некоторому условию).

В параграфе 3.2. «Роль синтаксических правил в употреблении предбудущего» показано, что в тех редких случаях, когда предбудущее употребляется для обозначения локализованных ситуаций в прошлом, действуют преимущественно синтаксические правила употребления предбудущего, т. е. оказывается достаточен только контекст соотносительного придаточного.

В параграфе 3.3. «Дубитативное предбудущее в деловой письменности ВКЛ» показано, что в этих памятниках рассматриваемая конструкция в неканонических условных предложениях могла использоваться как маркер косвенного речевого акта опровержения, несогласия, «отмены» утверждаемого оппонентом. Такие употребления приобретали характер довольно устойчивых дискурсивных формул.

В «Выводах по главе 3» (**параграф 3.4.**) отмечено, что употребление предбудущего в деловом языке ВКЛ XIV–XVI вв. определялось совокупностью нескольких факторов: эпистемической модальностью, требующей маркеров снятой утвердительности; нелокализованностью события (итеративным, экспериенциальным значением, ситуацией-обобщением), а также синтаксическими правилами (зависимым характером клаузы). На этом основании следует признать, что рутенское предбудущее было весьма близко предположительному наклонению.

В главе 4 «Предбудущее в старовеликорусской деловой письменности» материал указанных памятников XIV–XVI вв. сопоставляется с данными, которые содержит деловая письменность Великого княжества Литовского этого же периода.

В **параграфе 4.1.** «Частотность конструкций и реанализ» показано, что в старовеликорусской письменности, в отличие от рутенской, в XVI в. частотность предбудущего существенно снижается, поскольку оно выходит из употребления, подвергнувшись реанализу.

В **параграфе 4.2.** «Сочетаемость с видом» показано, что предбудущее в старовеликорусских и рутенских памятниках существенных различий в сочетаемости с видом не имело, т. е. последнее еще не испытывало влияния со стороны польского языка. Более продолжительное сохранение предбудущего в рутенском поддерживалось не польским, а корреляцией со сверхсложным прошедшим.

В **параграфе 4.3.** «Различия в дистрибуции форм предбудущего» показано, что рутенская конструкция, в отличие от аналогичной формы в старовеликорусском, употреблялась более широко: в условных, соотносительных придаточных, в вопросительных предложениях и как маркер дубитативности. Напротив, в старовеликорусской деловой письменности рассматриваемая форма встречалась в ограниченных типах контекстов: в соотносительных придаточных и в качестве маркера темы.

В «Выводах по главе 4» (**параграф 4.4.**) отмечено, что в XVI в. предбудущее в рутенском деловом языке все еще было противопоставлено, с одной стороны, польскому аналитическому будущему, с другой стороны, — аналогичной конструкции в старовеликорусской деловой письменности, уже в XVI в. подвергшейся реанализу. Предбудущее в деловых памятниках XVI в. следует признать одним из маркеров рутенской деловой письменности.

В **главе 5 «Предбудущее и формирование условного союза БУДЕ(Т)»** исследуется процесс грамматикализации названного служебного слова, происходивший в результате синтаксического реанализа, которому подверглась изучаемая аналитическая форма. Показано, что в московских грамотах XIV–XV вв. выделяется ряд контекстов, свидетельствующих о различных стадиях этого процесса в зависимости от характера связи между вспомогательным БУДУ и *л*-формой: предбудущее в составе формулы, маркирующей тему; конструкции, в которых между компонентами предбудущего употреблены противительный или уступительный союзы; контексты, где БУДУ как показатель модальности может распространяться не только на *л*-претериты, но и на другие глагольные формы; конструкции, отражающие утрату согласования между подлежащим и *л*-формой, с одной стороны, и БУДУ, с другой.

В **параграфе 5.1.** «Предбудущее в роли показателя темы» показано, что рассматриваемая конструкция в старовеликорусской деловой письменности зачастую употребляется в сложноподчиненных предложениях с корреляционной связью, в которых следствие, указанное в главной части, соотносится не с условием первой, а с условием второй

зависимой клаузы, в то время как первая часть (с предбудущим) представляет собой некое подобие заголовка, рамки, вводящей более широкую тему.

В **параграфе 5.2.** «Рамочная функция БУДУ: союз между элементами предбудущего» показано, что такие контексты могут быть интерпретированы как контаминация двух различных конструкций (предбудущего и вводящей тему конструкции *а кто будеть* + N_{Nom/Gen}).

В **параграфе 5.3.** «Рамочная функция БУДУ: распространение на другие глагольные формы, однородные *л*-претериту» показано, что в деловой старовеликорусской письменности представлены контексты, в которых вспомогательный глагол распространяет свое модальное значение не только на *л*-форму, но и на однородные ей причастия или формы презенса.

В **параграфе 5.4.** «Отсутствие согласования между БУДУ, *л*-претеритом и формой подлежащего» показано, что в старовеликорусских грамотах может происходить контаминация трех конструкций: формы предбудущего, конструкции *а будет* + N_{Nom} и аналогичной вводящей формулы без бытийного глагола *а что* + *л*-форма.

В **параграфе 5.5.** «Независимый БУДУ» показано, что этот глагол в деловых памятниках позднерусского периода начинает функционально сближаться с вспомогательным глаголом формы предбудущего, приобретая возможность употребляться как маркер темы.

В **параграфе 5.6.** «Диалектные особенности условного союза БУДЕ(Т)» показано, что тенденция к функциональному сближению с условным союзом зарождается именно в центральной диалектной зоне.

В **параграфе 5.7.** «Хронология формирования условного союза БУДЕ(Т)» показано, что рост частотности он демонстрирует только со второй половины XVI в., так что время окончательной деграмматикализации старовеликорусского предбудущего — первая половина XVI в.

В «Выводах по главе 5» (**параграф 5.8.**) отмечено, что процесс деграмматикализации старовеликорусского предбудущего протекает в течение XV в. в результате переинтерпретации относительных предложений архаического типа в новые условные. В этот процесс оказываются вовлечены и конструкции с независимым глаголом БЫТИ, вводящие тему. О появлении нового условного союза БУДЕ(Т) можно говорить не ранее второй половины XVI в. Условный БУДЕ(Т) зарождается в говорах центра, откуда в дальнейшем распространяется на другие территории вместе с традициями приказного языка Москвы.

В **Главе 6 «Предбудущее и модальная частица БУДЕ»** предлагаются возможные объяснения путей ее грамматикализации, очерчивается семантический диапазон этого служебного слова и определяется его просодический статус.

В **параграфе 6.1.** «Частица БУДЕ при относительном местоимении / наречии как релятивизатор и маркер потенциальности» показано, что рассматриваемая языковая единица

часто следует за союзным словом в придаточном предложении, внося значение уступки, ср.: И лѣсъ, и рыбные ловли, гдѣ **буде** есть... 'Лес и места рыбной ловли, где бы они ни находились...' [Новгородские ямские книги: 62, 1599 г.].

В **параграфе 6.2.** «Частица БУДЕ как маркер гипотетичности» показано, что рассматриваемое служебное слово может вносить значение предположения говорящего о том, что некоторая ситуация имела место в прошлом, ср.: А тѣ де писма писаны невѣдомо углемъ, или **будеть** спицею. 'А те письма написаны неизвестно чем: углем или, **может быть**, карандашом...' [Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина, Т. III: 99].

В **параграфе 6.3.** «Частица БУДЕ как квазиассертив» показано, что рассматриваемая языковая единица маркирует то, что говорящий снимает с себя ответственность за достоверность информации, полученной из чужих рук, ср: угрожает **буде** де оговорить. 'угрожает **будто** дескать оговорить'. [Словарь обиходного русского языка Московской Руси, т. 1: 298].

В **параграфе 6.4.** «Просодический статус частицы БУДЕ» показано, что анализируемая языковая единица была склонна употребляться в позиции энклитики 5 ранга.

В «Выводах по главе 6» (**параграф 6.5.**) отмечено, что локусом грамматикализации модальной частицы БУДЕ послужили конструкции с вспомогательным глаголом, следовавшим за относительным местоимением, в которых предбудущее использовалось в ситуации-обобщении, и конструкции, в которых оно маркировало предположение говорящего о некотором событии в прошлом. Частица БУДЕ впитала в себя основные свойства модально-эвиденциальных употреблений восточнославянского предбудущего. Такие процессы в истории русского языка протекают в рамках общей тенденции к «деграмматикализации», сокращению числа обязательно выражаемых значений.

В «**Заключении**» подводятся итоги изучения аналитических форм с референцией к будущему в истории русского языка и письменности на общеславянском фоне. Исследование позволило пересмотреть многие представления, существовавшие в исторической русистике относительно системы и эволюции этих форм. Выявлены причины и механизмы перестройки системы: конкуренция и аттракция между функционально близкими конструкциями, языковые контакты, реанализ, механизмы прагматического переосмысления и метафоризации. Прослежены пути грамматикализации аналитических форм на широком материале русской письменности XI–XVII вв. в сопоставлении с данными синхронии и диахронии славянских языков. Изменениям в результате аттракции подверглись конструкции с ИМѢТИ и ХОТЬТИ, ЯТИ и ИМАТИ / ИМѢТИ. Языковые контакты сыграли важную роль в развитии перифраз с ИМѢТИ и УЧАТИ, в формировании формы БУДУ + инфинитив. Прагматическое переосмысление и

метафоризация стали основными механизмами в эволюции предбудущего. В результате реанализа возникли условный союз и модальная частица БУДЕ.

Исследование позволило выявить в истории русского языка особую категорию неассертивного будущего и выделить два кластера конструкций с начинательными глаголами: УЧНУ – БУДУ – СТАНУ, склонные к выражению серийной фазовости и общефактическим контекстам, и ИМУ – НАЧНУ – ПОЧНУ, тяготеющие к начинательным контекстам. Вспомогательный УЧАТИ представлял собой служебный глагол широкого семантического спектра, своего рода аналитический перфективатор, а вспомогательный БУДУ проникал в систему перифраз с референцией к будущему за счет действия грамматической аналогии через особый набор контекстов, не связанных с инхоативностью.

Установлено, что в истории славянских языков предбудущее обнаруживает наиболее продвинутую степень грамматикализации. Первый путь его диахронической эволюции — утрата результативной семантики и переосмысление в качестве неретроспективного футурума, второй — специализация на модально-эвиденциальных значениях. В последнем случае возможен реанализ вспомогательного глагола как маркера предположительной модальности и его распространение на другие темпоральные формы или встраивание в парадигму пересказывательного наклонения. Доказано, что восточнославянское предбудущее функционально-семантически было весьма близко к предположительному наклонению.

В **«Списке сокращений и условных обозначений»** приводятся сокращения, используемые при глоссировании и ссылках на ряд источников.

«Список использованной литературы» включает 511 наименований, список источников — 126, список словарей — 34 единицы.

В **«Приложении 1»** приводится состоящая из 32 предложений переводная типологическая анкета, применявшаяся при исследовании предбудущего в современных славянских языках.

Публикации автора, входящие в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:

1. Пенькова Я. А. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении. – 2014. – Т. 27, № 1. – С. 150–184. **(ВАК)** (Объем 2,4 п.л.)

2. Пенькова Я. А. Об одном маргинальном употреблении императивных форм в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Slověne. – 2015. – Vol. 4, № 2. – С. 147–158. **(Web of Science)** (Объем 0,8 п.л.)

3. Пенькова Я. А. К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // Die Welt Der Slaven. – 2017. – Т. 62, № 2. – С. 247–275 **(Web of Science)**. (Объем 2 п.л.)

4. Пенькова Я. А. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы // Вопросы языкознания. – 2018. – № 2. – С. 53–70. **(Web of Science, Scopus)** (Объем 1,2 п.л.)

5. Пенькова Я. А. Славянское предбудущее и его греческие соответствия в переводных древнецерковнославянских памятниках // Русский язык в научном освещении. – 2018. – Т. 36, № 2. – С. 9–35. **(ВАК)** (Объем 1,2 п.л.)

6. Пенькова Я. А. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična Revija. – 2019. – Vol. 67, No. 4. – С. 569–586. **(Scopus)** (Объем 1,2 п.л.)

7. Пенькова Я. А. Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего в языках Европы: анкетирование и корпусные данные // Вопросы языкознания. – 2019. – № 6. – С. 7–31. **(Web of Science, Scopus)** (Объем 1,7 п.л.)

8. Пенькова Я. А. Предбудущее (второе будущее) в древненовгородском диалекте: время или наклонение? // Russian Linguistics. – 2019. – Vol. 43, № 1. – С. 65–78. **(Web of Science, Scopus)** (Объем 0,9 п.л.)

9. Пенькова Я. А. Предбудущее в деловом языке Великого княжества Литовского // Slověne. – 2020. – Vol. 9, № 2. – С. 170–191. **(Web of Science, Scopus)** (Объем 1,5 п.л.)

10. Penkova Y. A. Middle Russian Future Periphrastic Constructions in the Light of Language Contacts // Scando-Slavica. – 2021. – Vol. 67, No. 1. – P. 43–64. **(Web of Science, Scopus)** (Объем 1,5 п.л.)

11. Пенькова Я. А. Семантика начала: корпусное исследование глаголов начинательной семантики в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного

университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 57–75. (**ВАК, Web of Science**) (Объем 2,1 п.л.)

12. Пенькова Я. А. Начинательные глаголы в конструкциях с инфинитивом в русской письменности XVI–XVII вв.: в поисках различий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Язык и литература. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 739–767. (**ВАК, Web of Science**) (Объем 2 п.л.)

13. Пенькова Я. А. Инхоативный глагол *учати* в среднерусской письменности: лексика или грамматика? // Русский язык в научном освещении. – 2023. – Т. 46, № 2. – С. 246–265. (**ВАК**) (Объем 1,4 п.л.)

14. Пенькова Я. А. Модальные предикаты в конструкциях с инфинитивом в русской письменности XV–XVII вв.: семантика и дистрибуция // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 40–54. (**ВАК, Web of Science**) (Объем 1,6 п.л.)

15. Пенькова Я. А. Анализ дистрибуции инфинитивных конструкций с глаголами *хотѣти* и *имѣти* в истории русской письменности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2024. – Т. 97, № 3. – С. 170–185. (**ВАК, Web of Science**) (Объем 1,8 п.л.)

16. Пенькова Я. А. Глаголы *имати* и *бърати*: дистрибуция и конкуренция в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 63–79. (**ВАК, Web of Science**) (Объем 1,85 п.л.)

17. Пенькова Я. А. Частица *буде* в русской письменности конца XVI – начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении. – 2025. – Т. 49, № 1. – С. 191–213. (**ВАК**) (Объем 1,6 п.л.)

18. Пенькова Я. А. *Имавь, имгю, имаю, иму*: конструкции с глаголами с корнем *им-* // *ем-* в восточнославянской деловой письменности XV в. // Slověne. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 198–228. (**Web of Science**) (Объем 2,15 а.л.)

Другие публикации автора:

19. Пенькова Я. А. Славянское предбудущее в типологической перспективе. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2024. – 392 с. (Объем 24,5 п.л.)

20. Пенькова Я. А. Будущее сложное второе в деловых грамотах XV в. и проблема происхождения условного союза *буде(m)* // МАПРЯЛ 2014: Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание. / Отв. ред. Г. Гочев. – Велико-Тырново : ИВИС, 2014. – С. 378–382. (Объем 0,3 п.л.)

21. Пенькова Я. А. О некоторых региональных различиях синтаксических стратегий в деловой письменности Руси XV в. // Письменото наследство и информационните технологии El'Manuscript–2014. Материали от V международна научна конференция (Варна, 15–20

сентябрь 2014 г.) / Отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. – София ; Ижевск : Кирило-Методиевский научен центр – БАН ; Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова, 2014. – С. 297–300. (Объем 0,2 п.л.)

22. Пенькова Я. А. Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – № 10. – С. 475–489. (Объем 1 п.л.)

23. Пенькова Я. А. Второе будущее в переводной литературе Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – Т. 69, № 3. – С. 100–101. (Объем 0,2 п.л.)

24. Пенькова Я. А. К типологии нефутуральных значений предбудущего в славянских языках // Славянский мир: общность и разнообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 22–23 мая 2018 г. / Под ред. Е. С. Узеновой, О. В. Хавановой. – М. : Институт славяноведения, 2018. – С. 189–193. (Объем 0,3 п.л.)

25. Пенькова Я. А. Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности и эволюция // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов (Белград, 2018): Доклады российской делегации. – М. : Институт славяноведения РАН, 2018. – С. 225–243. (Объем 1 п.л.)

26. Пенькова Я. А., Сичинава Д. В. Славянское предбудущее и смежные конструкции: предварительные результаты анкетирования // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы межд. научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. – М. : МАКС Пресс, 2018. – С. 240–244. (Объем 0,3 п.л.) (вклад автора диссертации 50 %).

27. Пенькова Я. А. *Учну, стану, буду*: конкуренция конструкций с референцией к будущему в русском языке XV–XVII вв. // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов международной конференции Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. – М., 2019. – С. 58. (Объем 0,03 п.л.)

28. Пенькова Я. А. Предбудущее и вид глагола в восточнославянской письменности XV–XVII вв. на фоне влияния польского языка // Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года) / ред. кол. Е. В. Головки, Е. В. Горбова (отв. ред.), П. А. Кочаров и др. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С. 304–314. (Объем 0,5 п.л.)

29. Пенькова Я. А. Между грамматикой и прагматикой: дубитативное предбудущее в западнорусских грамотах XVI в. // Вопросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сборник

статей к юбилею В. А. Плунгяна / Ред. А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева. – М. : «Буки Веди», 2020. – С. 504–508. (Объем 0,4 п.л.)

30. Пенькова Я. А., Крысько В. Б. Будущее время // Жолобов О. Ф., Иорданиди С. И., Крысько В. Б., Кузнецов А. М., Мольков Г. А., Пенькова Я. А., Петрухин П. В., Попов М. Б., Руднев Д. В., Силина В. Б., Циммерлинг А. В. Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. – М. : ИЦ «Азбуковник», 2020. – С. 21–30. (Объем 0,7 п.л.) (вклад автора диссертации 50 %).

31. Пенькова Я. А. Инфинитивные конструкции с глаголом *имѣти* в позднесреднерусской письменности // Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. / Ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2021. – С. 212–227. (Объем 1,4 п.л.)

32. Пенькова Я. А. К вопросу о грамматикализации глагола *стати* в истории русского языка // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. / Ред. А. А. Пичхадзе, И. С. Юрьева, Е. А. Мишина, М. С. Мушинская, Ю. В. Кагарлицкий. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. – С. 51–72. (Объем 1,2 п.л.)

33. Пенькова Я. А. Из наблюдений над семантикой имперфективного будущего в среднерусской письменности // Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна): материалы Международной научной конференции, Москва, 12–14 октября 2021 г. / Институт славяноведения РАН; ред. кол. Е. С. Узенёва (отв. ред.) и др. – М. : Институт славяноведения РАН, 2021. – С. 54–60. (Объем 0,4 п.л.)

34. Пенькова Я. А. Конструкции с инхоативами в среднерусской письменности и их распределение в регистрах письменного языка. // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Труды и материалы Международной конференции VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 ноября 2021 г.). В 2-х т. Т. 1. / Ред. Р. Р. Замалетдинов, Е. А. Горобец, Э. А. Исламова. – Казань : Издательство Казанского университета, 2021. – С. 217–224. (Объем 0,4 п.л.)

35. Пенькова Я. А. Начинательные глаголы и их семантико-сочетаемостные свойства в истории русского языка // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Тезисы докладов. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. – С. 431. (Объем 0,07 п.л.)

36. Пенькова Я. А. К вопросу о формировании системы начинательных глаголов в истории русского языка: глаголы *возникнуть* и *появиться* // Традиции И.И. Срезневского в русской лексикологии и лексикографии XXI века. Сборник статей V Международной научно-

практической конференции. / Отв. ред. Е. П. Осипова. – Рязань, 2022. – С. 87–93. (Объем 0,4 п.л.)

37. Пенькова Я. А. Об инхоативном глаголе *учати* в среднерусской письменности // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов. – М., 2022. – С. 39–40. (Объем 0,05 п.л.)

38. Пенькова Я. А. Инфинитивные конструкции с глаголами *имѣти* и *хотѣти* в церковнославянских памятниках Древней Руси XIII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII Международной конференции. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». / Отв. ред. Е. Л. Конявская, Л. А. Беляев. – М. : Индрик, 2023. – С. 147–148. (Объем 0,2 п.л.)

39. Пенькова Я. А. Конструкции с глаголами *имѣти*, *имати* и *юти* в древнерусской письменности XIII–XIV вв. в сопоставлении с древнесербской // Славянское и балканское языкознание. – Вып. 25: Палеославистика-6. Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. – М. : Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2025. – С. 238–264. (Объем 1,5 п.л.)

Общий объем опубликованных работ составляет 63,95 п.л. (вклад Я. А. Пеньковой 63,45 п.л.)